

Литература

1. Болотин С. В. Энциклопедический биографический словарь музыкантов-исполнителей на духовых инструментах. Изд. 2-е. М.: Радуница, 1995. 358 с.
2. Галлер К. П. [Музыкальная библиография] // Музыкальный свет. 1877. № 41. С. 487.
3. Колокольцов К. В. Хор любителей духовой музыки, состоящий под августейшим государя императора покровительством. 1858–1897: Очерк. СПб.: Скоропеч. «Надежда», 1897. 272 с.
4. Некролог // Русская музыкальная газета. 1909. № 15. Стб. 398.
5. Сумеркин В. В. Тромбон. М.: Издательство Политехнического университета, 2005. 206 с.
6. Усов Ю. История отечественного исполнительства на духовых инструментах. М.: Музыка, 1986. 191 с.
7. Grazer briefe // Marburger Zeitung. 1862. № 66. S. 2.
8. St. Petersburger Zeitung. 1909. № 59.

Продолжаем начатую в № 47 публикацию материалов, посвященных истории Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской консерватории.
Автор и координатор проекта Д. Ю. Брагинский, редакция

Polina OSETINSKAYA
“Meeting with Marina
Veniaminovna was definitely
sent by God”

A conversation with a famous pianist, a graduate of the Secondary Special Music School of the Saint Petersburg Conservatory of 1994, Polina Osetinskaya. She reminisces on her school years, her teachers and friends, people who played a big role in her life — Marina Volf and Irina Taymanova.

Keywords: P. O. Osetinskaya, M. V. Volf, I. E. Taymanova, I. L. Etigon, V. B. Vysotsky, Y. N. Kurganov, the Secondary Special Music School of the Saint Petersburg Conservatory, the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory.

Полина ОСЕТИНСКАЯ
«Встречу с Мариной
Вениаминовной мне точно
Бог послал»

Беседа с известной пианисткой, выпускницей специальной музыкальной школы при Санкт-Петербургской консерватории 1994 года Полиной Осетинской.

Она вспоминает о школьных годах, своих учителях и друзьях, о людях, сыгравших большую роль в ее жизни — Марине Вениаминовне Вольф и Ирине Евгеньевне Таймановой.

Ключевые слова: П. О. Осетинская, М. В. Вольф, И. Е. Тайманова, И. Л. Этигон, В. Б. Высоцкий, Ю. Н. Курганов, Средняя специальная музыкальная школа Санкт-Петербургской консерватории, Санкт-Петербургская консерватория.

Дмитрий Брагинский. Полина, расскажите, пожалуйста, как началась ваша «десятилетняя» жизнь?

Полина Осетинская. Моя жизнь в школе началась в феврале 1989 года, после того, как я сбежала из дома. Точнее, сбежала я в декабре 1988 года, в тринадцать лет, а в январе 1989 приехала в Петербург, чтобы спрятаться у своей знакомой Киры Мержевской. Ее сын — Юра Мержевский, замечательный скрипач, — в свое время учился у Ирины Львовны Этигон. К тому моменту он уже

давно закончил и школу, и консерваторию. Кира дружила со мной с моих восьми лет, старалась как-то направить мое профессиональное становление. Мы с ней пели фуги Баха, я иногда у нее останавливалась. Когда встал вопрос, куда мне бежать, Кира предложила свое гостеприимство.

Именно тогда произошла съемка телевизионной передачи, которая прославила меня весьма своеобразным образом. Я имею в виду мое выступление в программе Александра Невзорова «600 секунд»¹.

¹ Благодаря этому выпуску конфликт между П. Осетинской и ее отцом (следствием чего стал побег из дома) вышел в публичную плоскость (примеч. редакции).

ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАЩЕГОСЯ:

Яркая, артистичная, озорничая
 одного профессионального уровня
 отсутствие неподходящих увлечений.

ХАРАКТЕРИСТИКА И УСПЕВАЕМОСТЬ УЧАЩЕГОСЯ
 В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Осетинская Полина — ученица в нашей
 школе 16^{ти} лет (1/2 года). За последние время
 в общеобразовательной школе проявила интерес
 и к концу учебного года перевелась в
 девочек гимназии № 5 и 4ой.
 Очень способная девочка и очень заинтересо-
 ванная к занятиям, то будет учиться
 учиться. В классе выделена кресло.
 Некая быстрая и дружелюбная с ребятами
 9-10-11 классов. Но занимается у
 ней дополнительные занятия и имеет свой
 класс в дальнейшей ее учебы.
 Девочка очень добрая, трудолюбивая и
 все замечания принимает во внимание

Современность — 5-
 12/1-89. Довольствие — хорошее
 Поверие — хорошее.

Кл. Воев. П. С.

После этого Кира Мержевская начала развивать мысль, что меня нужно срочно определять в ленинградскую школу при консерватории. Кира стала советоваться с Ириной Львовной Этигон, Ирина Львовна пошла к Юрию Николаевичу Курганову, тогдашнему директору школы, который сказал, что нужно пробовать попасть в класс к Марине Вениаминовне Вольф.

Были и другие предложения, к кому меня определять. Но почти все преподаватели с опаской отстранялись, как бы говоря: «мы не хотим иметь с этим дело, это очень скандальная ситуация, скандальные личности, и девочка наверняка погублена безвозвратно, из нее уже ничего путного не выйдет, и, кроме того, наверняка присутствует звездная болезнь...»

Собственно говоря, эти же опасения впоследствии высказала и Марина Вениаминовна. Видимо, зная ее абсолютно бескомпромиссный характер и понимая, что только она сможет со мной совладать, мои друзья стали ее уговаривать. Но пришлось ждать, пока Марина Вениаминовна приедет из Америки — это был ее первый такой выезд — поездка с мастер-классами по маршруту, устроенному Марьяной Абрамович, которая к тому моменту уже давно жила в Америке. Марина Вениаминовна отсутствовала почти полтора месяца, а когда вернулась, с ней поговорили Курганов и Ирина Львовна. Она согласилась посмотреть меня — так я впервые попала в 22-й класс (там сейчас висит памятная доска М. В. Вольф). Я тогда ничего не знала о Марине Вениаминовне, мне только сказали: «Ничего не бойся, если

только попадешь к Марине Вениаминовне в класс — не прогадаешь». Она сидела немного нахохлившись над роялем, а на меня взглянула с каким-то недоверием и даже примесью брезгливости. В ее взгляде читалось: «Ну что это такое? Достали меня с этой девчонкой! С ней уже явно ничего не сделаешь...» Посмотрев так на меня, она сказала: «Так! Я считаю, что ты ужасно играешь!» Я говорю: «Совершенно с Вами согласна». «Я считаю, что тебе придется очень много трудиться для того, чтобы у тебя хоть что-то получилось», — продолжила она. Я согласилась и с этим. «Да, и никакой звездной болезни я не потерплю! Если придешь в класс, то будешь работать, как проклятая!» Я ответила: «Совершенно с Вами согласна, я только ради этого сюда и пришла». «У тебя огромное количество вкусовых огрехов, пианистических накладок, все это несерьезно, все это цирк!» Словом, она была со мной страшно недружелюбна и неприветлива, но именно в этот момент я полюбила ее всем сердцем. Помню, что Этигон стояла у рояля, Марина Вениаминовна сидела за роялем, а я — на стульчике у двери, и как-то с этого момента поняла, что я в надежных руках. Конечно, встречу с Мариной Вениаминовной мне точно Бог послал, и я понимаю, почему меня хотели определить именно к ней: потому что все были правы, и это был для меня самый лучший вариант.

В конце февраля 1989 года я начала ходить в школу. Нашим классным руководителем была Раиса Иосифовна Середа. Воздух свободы тогда еще не очень долетел до школы, но я со свойственным мне волонтеризмом

«Встречу с Мариной Вениаминовной мне точно Бог послал»

его сюда принесла. Я не ходила в школьной форме и, как человек, только что выбравшийся из-под тяжелого контроля, почувствовала здесь чисто человеческую свободу. Добавим сюда еще некую подростковую составляющую: у меня порой был вызывающий внешний вид. Я могла накрасить глаза, надеть серьги, завить волосы — то, что сейчас является невинными вещами, тогда считалось нарушением режима. Раиса Иосифовна очень на меня сердилась за это. В классе были люди, которые захотели со мной завести дружбу, но большинство учеников посматривали на меня с опаской: «пришла к нам сюда какая-то звезда, кто ее тут ждал вообще, у нас своих звезд полно». Какое-то время я чувствовала, что я «одна против всего мира», но Марина Вениаминовна постепенно это чувство сгладила. Одни учителя отнеслись ко мне хорошо, и у нас возникли замечательные отношения, продолжавшиеся до 11-го класса; другие, наоборот, сразу меня невзлюбили, и это тоже продолжалось до конца школы.

Друзьями, которые меня в то время поддерживали, были Анна Макарова (известная ныне арфистка) и скрипач Дмитрий Махтин — у нас сложилась такая компания.

На следующий год Кира Мержевская вместе с семьей эмигрировала в Америку. Я пожила какое-то время по съемным квартирам, было очень сложно, и в итоге приняла решение поселиться в школьном интернате. Так я оказалась на переулке Матвеева и до 10-го класса жила там, сменив несколько комнат.

В 10-м классе я ушла из интерната и сняла комнату в городе. Это было связано с небольшим скандалом. Я праздновала свое восемнадцатилетие и, конечно, позвала друзей, которые не проживали в интернате. Некоторые из них очень шумно себя вели. Двери школы в 23 часа закрывались, и незадолго до этого кто-то пошел вниз покурить, а потом стал ломиться обратно. Дверь уже была закрыта, вахтер не знала, что эти люди возвращаются на тот день рождения, с которого они только что ненадолго вышли, и вызвала милицию. На следующий день Юрий Николаевич (директор) мне сказал: «Полина, я все понимаю, у тебя тяжелая жизнь, судьба и биография, но и ты пойми, что в интернате живут дети! Какой пример ты им подаешь?» Себя я в 18 лет, конечно, ребенком уже не считала и поняла, что пора уже куда-то уходить. Мне удалось снять комнату у Львиного мостика, недалеко от консерватории. Я прожила в интернате четыре полных года.

Д. Б. Все читатели, конечно, заинтригованы вашим побегом из дома. Почему он произошел?

П. О. Многим, кто слышал мое имя, эта история знакома. А если нет, то они могут найти в сети мою книжку «Прощай, грусть!». Жила девочка-вундеркинд, которую воспитывал и учил музыке отец, непрофессиональный музыкант — учил довольно своеобразными методами, которые привели к тому, что в тринадцатилетнем возрасте эта девочка решила сбежать из дома и оказалась в другом городе, как героиня какой-нибудь сказки. Моя

Полина Осетинская (в центре) с Екатериной Чернядьевой и Анной Макаровой. 1990 год

книга очень легко и быстро читается, и там, в том числе, есть много рассказов и о школе, о том времени.

Д. Б. А с кем еще вы учились в одном классе?

П. О. Я училась в одном классе с Марианной Неволович, которая тоже была ученицей Марины Вениаминовны. Ее отец — композитор Арнольд Неволович. Другая моя подруга — Марина Павлова. Елена Рубинова — сейчас она концертмейстер. Вообще, среди тех, кто меня окружал, с кем я общалась, больше было людей из других классов, например, Аня Киприянова (скрипачка). Кстати, в интернате на втором этаже я жила одна, а когда переехала на четвертый этаж, то жила с Аней какое-то время в одной комнате, пока мы не поругались по какому-то поводу и она не съехала. На четвертом этаже была воспитательница — Татьяна Валентиновна, ее дочь Катя иногда ночевала со мной в комнате (у них была квартира в городе, поэтому они не жили в интернате постоянно). На нашем этаже были также Надя Наумова и другие девочки, многие потом уехали за границу. Дружили с виолончелистом Сережей Новиковым (он сейчас в Германии). Это был мой круг интернатского общения.

В интернате вообще происходило много интересного. Были дети совсем домашние, а были и приехавшие сильно издалека. Время было ужасно голодное — самое начало 1990-х, карточки продуктовые. Помню, как мы стояли с этими карточками в булочную на Театральной площади, чтобы купить сахар. Мы пили чай с бесконечным количеством сухарей. Больше не было ничего, потому что то, чем кормили в нашей школьной столовой, без слез не вспомнишь. Домашние дети, избалованные, от такой еды воротили нос, а меня все воспитатели ставили в пример, потому что я ела все, даже страшные се-

ОЦЕНКИ УСПЕВАЕМОСТИ И ПОВЕДЕНИЯ

Предметы	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33	1933/34	1934/35	1935/36	1936/37	1937/38	1938/39
	кл. 7	кл. 8	кл. 9	кл. 10	кл. 11	кл. 12	кл. 13	кл. 14	кл. 15	кл. 16
Специальность . . .	5	5	5	5	5(+)					
Общий курс фортепиано . . .	—									
Сольфеджио . . .	5-	4	5	5	4+					
Теория музыки . .	—	3-								
Гармония	—		4	4-	5-					
Муз. литература . .	4	4-	4-	4	4-					
Музыкально-педагогические основы . . .	—			4-	3					
Хор	5									
Оркестр	3	4								
Рус. писмен. яз. { устный . . .	3	4								
Литература	3	4	3	5	4					
Арифметика	3	3	3							
Алгебра	3	3	3							
Геометрия	3	3	3							
Тригонометрия . . .	—									
Естествознание . . .	3	4	5							
История	4	4	4	5	4					
Конституция СССР . .	—			5	5					
География	4	4	4							
Физика	3	4	3							
Химия	3	3	5							
Иностранный язык . .	н/а	4	5	5	5					
Чистописание	—				5					
Ритмика	—									
Физич. воспитание . .	н/а	4	оц.	4	оц.					
Военное дело	—									
Пропущ. уч. часов . .	—	382	301	377	455					
В т.ч. по уваж. прич.	—									
Было опозданий . . .	—									
Поведение	4									
Итого оценок	<p>Награжден Первым классом, оставлен в том же классе, вышущен, исключен. Осенние экзамены. № значков БГТ и ГТО . . . . .</p> <p>Подпись классного руководителя: <i>П.О.</i></p>									

рые слипшиеся макароны. Больше всего хотелось есть в два часа ночи. Тогда мы начинали как тени рыскать по интернату. Более благополучные дети, чьи родители, например, жили на Дальнем Востоке, получали от них посылки с консервами — со скумбрией или сайрой. Это была настоящая интернатская валюта, и эти ребята продавали нам за какие-то имеющиеся у нас деньги эти баночки с консервами. У меня был приятель из Гагр, ему привезли много килограммов апельсинов, это тоже была валюта.

Д. Б. Кто оказал на вас особое влияние из учителей?

П. О. Думаю, Вадим Борисович Высоцкий, наш учитель истории. Он был замечательным педагогом, очень мудро прививал нам чувство человеческого достоинства. Мужчина-учитель — это всегда немного иное, чем женщина-учитель. К мужчине-учителю другое отношение, более уважительное. Вадим Борисович был молодой, высокий, всегда интересно рассказывал. Заодно у нас по контрасту была Алла Львовна Балтачьева, которую мы все страшно боялись, но при этом тоже уважали. Совершенно нежные и чудесные отношения у меня сложились с преподавателем литературы, Инной Васильевной Павловой. Я очень много всегда читала, и для

меня литература никогда не была повинностью, как для многих. К тому же у меня так называемая врожденная грамотность, поэтому Инна Васильевна меня очень уважала и любила. Мы могли с ней иногда о чем-нибудь и поспорить. Я прекрасно помню, как писала сочинения в ее классе, например, по «Войне и миру»: всем нравилась Наташа Ростова, а я ее резко осуждала за то, что она предала князя Андрея ради этого бессмысленного красавца. С другой стороны, прожив уже немало лет, сейчас понимаю, что у девочки в 16 лет нет никакого жизненного опыта, и оценить красоту тридцатидвух-летнего человека, прошедшего войну, в этом возрасте сложно. Моей старшей дочери сейчас пятнадцать лет, она мне с горящими глазами выдает какие-то сентенции, и я узнаю в ней себя: мне тоже в 14–15 лет казалось, что я открываю Америку, вообще делаю потрясающие открытия, и мне не приходило в голову, что все люди в 14 лет совершают примерно такие же открытия.

Еще вспоминаю Инну Павловну Назарян, преподавательницу физики. Я прекрасно помню, как сдавала ей экзамен в конце восьмого класса. Я выучила наизусть весь параграф о принципе буравчика, озвучила его на экзамене и запнулась перед последними словами: «по правилу буравчика», потому что название мне показалось совершенно дурацким. Это же наука, физика, серьезное дело, а тут какой-то буравчик. Поэтому из внутреннего протеста я не стала произносить название этого принципа, поскольку оно показалось мне бредом. Это стало иллюстрацией на всю жизнь: довольно простые вещи порой объясняются сложным языком.

Самые неприятные отношения были с математикой, а ведь нашим классным руководителем после Раисы Иосифовны Середы стала преподаватель алгебры Антонина Анатольевна Федорова. В восьмом классе я сдавала переводной экзамен по алгебре. К этому моменту все уже прошли тангенсы, котангенсы и прочее. А учительница сидела со мной в коридоре в мае месяце и объясняла: «Полина, ну вот у тебя яблоко, восемь частей. Три съели. Сколько осталось?» Такой простой вопрос в восьмом классе вызывал у меня огромное недоумение. В итоге она надо мной смилостивилась и поставила тройку.

С химией у меня отношения вообще не сложились. Я не понимала и до сих пор не понимаю, что такое валентность, и кроме того, педагог у нас была довольно грозная (Мария Ивановна Швец), она чеканила слова на уроках и меня очень не любила за то, что я в химии не понимала ровным счетом ничего. Тогда мне стало ясно, что я безнадежный гуманитарий. Даже биология с географией прошли мимо меня, вот литература и история — это было мое.

Д. Б. А по музыкальным дисциплинам?

П. О. С Саррой Евсеевной Белкиной поначалу были очень тяжелые отношения — я отставала в теоретических дисциплинах, но со временем всё наладилось. Позднее она жила в Америке, недалеко от Филадельфии, я была у нее в гостях и даже останавливалась в ее доме. Сарре Евсеевне было уже много лет (за восемьде-

«Встречу с Мариной Вениаминовной мне точно Бог послал»

сят), она ассимилировалась за границей, давала уроки, пристрастилась к сыру Филадельфия и приучила к нему меня. А еще при наших встречах мы с ней играли в карты.

На уроках музыкальной литературы я впервые услышала, например, Четвертую симфонию Чайковского и запомнила ее на всю жизнь; то же — с кантатами Танеева. Занятия шли в закуточке на втором этаже, рядом с органным классом.

Гармонию у нас преподавал Петр Анатольевич Чернобривец. Он тогда был совсем молод, и хотя это не очень хорошо, но мы не упускали случая подшутить над ним. С гармонией у меня сложились такие же тяжелые отношения, как и с химией. В девятом классе по ней надо было сдавать экзамен. И перед ним мне хотелось покончить жизнь самоубийством, потому что я думала — особенно когда начались гармонические цепочки, — что не сдам гармонию никогда. Какой был праздник, когда я сдала этот экзамен на четыре! Помню, что нужно было расписать, спеть, сыграть несколько длиннющих гармонических последовательностей... После сданного экзамена мы с Машей Неволович и Мариной Павловой уехали в Репино и оторвались там по полной. Отец Маши снимал там домик. Тогда эта здравница композиторов и деятелей искусства еще работала в полную советскую силу, еще не была продана столовая ресторану «Касабланка», везде ходили композиторы — Тищенко, Слонимский, Успенский, Десятников. И среди них мы, девчонки, бегали и видели живых легенд, например, Беллу Ахмадулину.

Д. Б. А у вас была в годы обучения концертная жизнь?

П. О. Я очень благодарна Марине Вениаминовне, что периодически она давала мне возможность выступать. Но вообще она решительно сказала, что пока мне нужно учиться, чтобы восстановить технику и все остальное. Выучиться — и только потом заново начинать концертную деятельность. Это было очень правильно. Я участвовала в общих гастрольях класса Вольф — в Риге, в Америке... Когда мне было 14 лет, я сыграла первый раз с оркестром в Большом зале Филармонии, и этот концерт стал абсолютнейшим провалом. Я играла скучно и безлико, поскольку счищала в то время все нарабатанное до автоматизма, а новое еще не пришло, еще не было ни свободы, ни мастерства. Был только страх и ужас, что старое безвозвратно потеряно, а новое еще не построено. Помню, что для многих этот концерт стал разочарованием: «Не выйдет из нее музыканта, всё с ней понятно». И действительно, первые плоды нашего с Мариной Вениаминовной тяжелого труда стали появляться лет через пять, когда уже можно было сказать, что это не безнадежный случай. За это Марине Вениаминовне надо поставить памятник.

Д. Б. Кто еще из класса Марины Вениаминовны участвовал в гастролях?

П. О. Женя Синайский, Алена Чугунова, Сережа Григорьев, потрясающий пианист (хотя именно в Америку он с нами не ездил), Оля Мустафаева (она сейчас

живет в Голландии), Саша Пироженко, Катя Авдеева... Сережа Григорьев в консерваторию потом не пошел, ушел в джаз. Сейчас он сочиняет разную эстрадную музыку, гитарные рифы, является продюсером и композитором, пишушим для сериалов. Он играл в том числе и у Давида Голощекина в Джазовой филармонии, как джазовый пианист переделывал аранжировки для группы «Чай вдвоем».

Б. Д. Давайте поговорим о Марине Вениаминовне...

П. О. Знаете, есть люди, которым сразу веришь. В Марине Вениаминовне совершенно не было ни фальши, ни притворства, ни лицемерия. При взгляде на нее сразу стало понятно, что этот человек тебе всегда скажет правду. У нее была невероятная бескомпромиссность, цельность, честность. Марина Вениаминовна — натура, хронически не приемлющая приспособленчества. Человек-глыба. Даже ее человеческие слабости воспринимались нами как громадные поступки человека-глыбы: например, как она порой выкидывала в гнев из класса нерадивых учеников, когда сначала распаивалась дверь, оттуда вылетали ноты, а потом и ученик. Она могла жестко припечатать словом, если видела, что человек ленится. Однажды мы поспорили с приятелем Виталиком Берзоном, кто дольше прозанимается. Я не спала трое суток. Я занималась в классе Вольф, 22-м, а он в 23-м, классе Аси Ефимовны Рубиной. Сидели в классах мы ночами, пили кофе. Кажется, тогда я учила Четырнадцатый концерт Моцарта, чтобы сыграть его в Ташкенте. И вот я прилетела в Ташкент с мамой — и проспала там репетицию.

Занятия с Мариной Вениаминовной проходили 2–3 раза в неделю в 22-м классе, остальные дни я ездила к ней домой на Черную речку. Получалось до 5–6 раз в неделю, особенно поначалу, когда Марина Вениаминовна очень много со мной занималась, так что даже ее мама дома ворчала: «Опять ты возишься целыми днями со своей Полиной!» Эти дополнительные занятия ей никто не оплачивал. Для меня стала совершенно привычной дорога к Марине Вениаминовне домой, на Ланское шоссе. Она меня всегда кормила, поила чаем и, конечно, стала для меня не только учителем. В мои 15 лет у меня произошел кризис самоопределения. Я подумала, что, наверно, музыка — это не мое, было очень трудно, надо было очень много работать с ощущением, что ничего не получается. Марина Вениаминовна тогда сильно разозлилась, потому что она уже вложила в меня два года беспрецедентных усилий. Она сказала, что если я сейчас решу уйти из музыки, чтобы я ей на глаза больше не попадалась. «Убью — и все!» Я думала недолго, неделю или десять дней, и поняла, что это того не стоит, надо продолжать, как бы ни было трудно. Иначе это будет поражение с моей стороны, как будто я зря сбежала из дома, пахала, жила в интернате, не спала трое суток, по капле выдавливала из себя предыдущие грехи.

У Марины Вениаминовны была удивительная способность быть одновременно жесткой и доброй, понимающей. Она всегда безошибочно знала, когда надо

РЕЗУЛЬТАТЫ ГОДОВЫХ ИСПЫТАНИЙ	
Программа	Отметки и оценка
Бох а II	
Моцарт - Алегро 8	
Шопен - Этюд № 8	
Скребин - Этюд op. 8 № 10	
Шуман - Матинь	
Давидович	

надавить, прижать к ногтю, а когда, наоборот, дать свободу. Некоторые моменты я могла обсуждать только с ней, потому что знала, что она умеет находить баланс, не унижая при этом человеческую личность. Это редкое качество педагога, потому что те педагоги, которые стремятся вырастить из детей лауреатов, ведут себя по-другому. Марина Вениаминовна добивалась не лауреатства: она хотела, чтобы мы научились слышать музыку, то есть стали хорошими музыкантами. Внутренний суд для нее был важнее любой шелухи, как она называла признание, конкурсы, звания. Главное — не премии и конкурсы, а то, умеешь ты донести до слушателя смысл, вложенный композитором, или не умеешь. Марина Вениаминовна была скупа на похвалу. «Ну что, ничего!» — это из ее уст значило, что ты сегодня сыграл просто грандиозно. За это «ничего» мы, ее ученики, боролись. А самый «супер» был тогда, когда я принесла в первый раз 24 прелюдии Шопена, и после четвертой, ми-минорной прелюдии, она мне сказала: «Ну, что я могу сказать. Ты выросла. Это может сыграть человек зрелый. Я тебя поздравляю: ты созрела».

Д. Б. А она показывала сама на уроках?

П. О. Конечно. Она на уроках показывала всё. У нее была изумительная маленькая ручка, не делавшая никаких лишних движений, с минимизацией «спецэффектов». Ее принцип: играть должно быть удобно. Она учила, прежде всего, интонировать: то, что она получила в наследство от Веры Харитоновны Разумовской. Она учила на ударном инструменте интонировать как, например, скрипач, чтобы рояль дышал и пел. Мы нащупывали глубину клавиши, как если бы это была струна. Еще она говорила, что вся музыкальная фактура должна быть расложена, разделена на пласты, чтобы каждый пласт был слышен и ничего не пропадало.

Д. Б. Я просто никогда не слышал, как она играет: Марина Вениаминовна не давала концертов, и нужно было присутствовать на ее уроках, чтобы ее услышать.

П. О. Да, она показывала изумительно. Инструмент у нее звучал, как ни у кого другого, и получалась безыс-

кусная интонация и подлинной печали, и светлой чистоты. Она могла передать это в музыке не только в силу своего профессионального мастерства, но и в силу чистоты своей личности, которая неразрывно связана с тем, как человек извлекает звуки.

Д. Б. Что вы играли на выпускном экзамене?

П. О. На выпускном экзамене я, кажется, играла Симфонические этюды Листа и Первый концерт Брамса, в концерте мне аккомпанировала Ирина Рюмина. Хотя точно помню, что эту программу я играла на поступление в консерваторию, надо бы это уточнить². Я поступала в консерваторию снова к Марине Вениаминовне, поскольку уже был прецедент: Женя Синайский продолжал учиться у нее же в консерватории. Когда я заявила, что хочу учиться у Марины Вениаминовны и дальше, разразился страшный скандал, потому что многие педагоги консерватории почувствовали себя сильно уязвленными тем, что я не поступила ни к одному из них. Меня определили сначала к Нине Николаевне Серегинной, но я ходила заниматься к Марине Вениаминовне. Прошел год, прежде чем удалось решить эту проблему. Я пошла к Чернушенко, и он разрешил официально заниматься у Марины Вениаминовны.

Д. Б. Полина, расскажите, пожалуйста, о той роли, которую в вашей жизни сыграла Ирина Евгеньевна Тайманова.

П. О. Ирина Евгеньевна сыграла в моей жизни роль замечательного друга, который с моих восьми лет очень согревал меня своим теплом и добрым отношением. Когда ты оказываешься в чужом городе, в интернате — без родителей, но с крысами, — тебе очень не хватает человеческого тепла... В те голодные и холодные годы мне необходимо было место, где меня поддерживали бы, принимали бы, понимали бы, ценили и любили. Таким домом, наряду с домом Марины Вениаминовны, стал дом Ирины Таймановой и ее супруга, замечательного композитора Владислава Александровича Успенского.

Как я сказала, я знаю Ирину Тайманову, Ирочку (как я ее зову) с детства. Нас познакомили, когда я еще

² Сведения о программе выпускного экзамена, заимствованные из личного дела П. Осетинской, публикуются в качестве иллюстрации (примеч. редакции).

жила с отцом. Мы стали переписываться, и прежде всего я вложила в одно из писем фотографию моей мамы, чтобы Ирина увидела, какая у меня мама красавица. Мне очень хотелось похвастаться своей мамой. И я помню, что с этого момента началась наша тесная дружба, которая продолжается и по сей день.

Ирина всегда меня поддерживала, во многом формировала мое отношение к жизни. Она для меня «летописец Пимен»: у нее есть архивные видеозаписи и заметки почти обо всех концертах моей молодости.

Ирочка часто приглашала меня к себе в гости. Бывало, что на выходные или на праздники все мои друзья по интернату разъезжались к родителям, а я оставалась совсем одна. Тогда Ирочка с Владиком звали меня, пригласили, откармливали... На всю жизнь запомнила одну кулинарную историю: Ирина на рынке купила какие-то замечательные отбивные, которые нужно было поджарить, и принесла домой, а я, совершенно не умеющая

тогда готовить, положила их в кастрюлю и сварила... Получился большой конфуз... По тем временам это был дорогой и дефицитный продукт, но, конечно, Ирочка только посмеялась над этим и махнула рукой.

На меня большое влияние оказал дом Таймановой, ее аристократизм, ее невероятное умение говорить, рассказывать, ее знакомство со многими знаменитыми людьми того времени — с Татьяной Вечесловой, Галиной Вишневской, Мстиславом Ростроповичем... В ее орбите постоянно находились очень интересные, потрясающие люди! Ирина всегда была центром притяжения.

Мне очень важна была ее поддержка. С раннего детства я не жила с мамой, а Ирина всегда говорила мне: «У тебя все получится!» Она была для меня в годы юности ролевой моделью и всегда по-матерински, с большой любовью опекала меня.

*С П. О. Осетинской беседовал
Д. Ю. Брагинский*

Leonid GAKKEL The school that deserves recognition

Memories of school years in a Special Music School at the Leningrad Conservatory of Leonid Gakkel, an Honoured Art Worker of the Russian Federation, Professor of the Piano Department of the St. Petersburg Conservatory. He tells about teachers, his class, and musical impressions of those years left by performances of H. Abendroth, G. Gould, A. Benedetti Michelangeli, Van Cliburn and other prominent musicians.

Keywords: L. E. Gakkel, E. I. Shteinbok, L. A. Barenboim, C. M. Fidler, G. L. Sokolov, H. Abendroth, G. Gould, Van Cliburn, the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory.

Леонид ГАККЕЛЬ Школа, требующая особого внимания

Воспоминания о годах обучения в специальной музыкальной школе при Ленинградской консерватории Заслуженного деятеля искусств Российской Федерации, профессора кафедры специального фортепиано Санкт-Петербургской консерватории Леонида Евгеньевича Гаккеля.

Он рассказывает о педагогах школы, своем классе, музыкальных впечатлениях тех лет, вызванных выступлениями Г. Абендрота, Г. Гульда, А. Бенедетти Микеланджели, Вана Клиберна и других выдающихся музыкантов.

Ключевые слова: Л. Е. Гаккель, Э. И. Штейнбок, Л. А. Баренбойм, Ц. М. Фидлер, Г. Л. Соколов, Г. Абендрот, Г. Гульд, Ван Клиберн, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской консерватории, Санкт-Петербургская консерватория.

Заслуженный деятель искусств России, доктор искусствоведения Леонид Евгеньевич Гаккель — один из самых авторитетных и известных российских музыковедов. Автор многочисленных книг и статей, посвященных истории фортепианного искусства и актуальным проблемам современной музыкальной жизни, он постоянно выступает с лекциями на радио и телевидении, публикуется в московских и петербургских газетах.